

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ НАРОДНОГО ПРАЗДНИКА *КАРГАТУЙ* («ВОРОНЯ СВАДЬБА») У БАШКИР

© 2021

Илимбетова А.Ф., Мигранова Э.В.

Ордена Знак Почёта Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Российская Федерация)

Аннотация. В религиозно-мифологических воззрениях башкир содержится развитая система культовых представлений о птицах. Одной из почитаемых башкирами птиц является ворона. Наиболее древние корни праздника, связанного с этой птицей, берут начало в тотемических представлениях далеких предков башкир. О древних исторических корнях почитания вороны свидетельствует, в частности, бытовавший в прошлом и возрождаемый сегодня башкирский народный праздник *Каргатуй* («Воронья свадьба»), в ряде районов Республики Башкортостан (РБ) называемый *Карга буткаһы* («Воронья каша»). *Каргатуй* у башкир проводится весной и знаменует возрождение природы. На основе фольклорных и этнографических источников представляется возможным проследить эволюцию и последующую трансформацию этого праздника и совершаемых в ходе него обрядов. В данном башкирском празднике до настоящего времени сохранились элементы тотемических обрядов, главным предназначением которых является чествование вороны – тотемной птицы с обращенными к ней заклинаниями-просьбами, исполнение тематических игр, песен и плясок (например, «Вороненок»), ритуалов размножения тотемной птицы, причащение тотемом, посвящение девушек в разряд полноправных членов женского коллектива и т.д.

Ключевые слова: башкиры; *Каргатуй*; «Воронья свадьба»; народные праздники; мировоззрение; тотемные птицы; ворона.

HISTORICAL ROOTS OF THE FOLK HOLIDAY *KARGATUY* («CROW'S WEDDING») AMONG THE BASHKIRS

© 2021

Ilimbetova A.F., Migranova E.V.

Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature
of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation)

Abstract. There is a developed system of cult ideas about birds in the religious and mythological views of the Bashkirs. One of the birds revered by the Bashkirs is the crow. The most ancient roots of the holiday and rituals associated with this bird originate in totemic representations of the distant ancestors of the Bashkirs. The ancient historical roots of the worship of crows are evidenced, in particular, by the Bashkir folk holiday *Kargatuy* («Crow's wedding»), which existed in the past and is being revived today (in some areas of the Republic of Bashkortostan called *Karga butkahy* («Crow's Porridge»)). *Kargatui* was usually held in the spring and marked a revival of nature. On the basis of folklore and ethnographic sources, it seems possible to trace the evolution and subsequent transformation of this holiday and the rituals performed on them. In this Bashkir holiday, elements of totemic holidays have survived to our days, the main purpose of which was to honor the crow – a totem bird with invocations-requests addressed to the sacred bird, the performance of rituals, thematic songs and dances («Raven chick», the performance of rituals of reproduction of the totem bird a manifestation of care for it, communion with a totem and with rituals of initiation of girls into the category of full members of women collective.

Keywords: Bashkirs; *Kargatui*; «Crow's wedding»; folk holidays; worldview; totem birds; crow.

Введение

В башкирских фольклорных и этнографических источниках имеются свидетельства бытования в прошлом у башкир обрядового праздника, связанного с вороной. Во многих районах Башкортостана этот праздник сохранился до настоящего времени.

Одно из первых сведений о празднике *Каргатуй* содержится в дневниковых записях ученого-путешественника XVIII в. И.И. Лепехина [1, с. 113–114]. В книге С.Г. Рыбакова «Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта» (1897 г.) описаны башкирские песни и наигрыши с имитацией пения птиц [2, с. 141]. Выдающийся ученый-этнограф, антрополог, археолог С.И. Руденко в своей монографии «Башкиры» дал краткое описание народного праздника *Каргатуй* [3, с. 233–234]. В труде известного тюрколога А. Инана также дается краткий обзор весеннего женского праздника *Каргатуй*, сохранение

которого он считал отзвуком шаманизма у башкир; автор также сообщает о бытовании такого праздника и у некоторых других тюркских народов [4, с. 118]. Вопросам обожествления птиц башкирами посвящен ряд научных статей А.Н. Киреева [5], Н.В. Бикбулатова [6], Л.И. Нагаевой [7–9], Ф.Ф. Фатыховой, Р.М. Юсупова [10], М.Н. Сулеймановой [11], А.Ф. Илимбетовой [12] и др. Праздничные трапезы и символические функции пищи, в том числе во время *Каргатуй*, рассматривались в работах Э.В. Миграновой [13]. Однако в целом работы, посвященные этой теме, носят описательный, фрагментарный характер.

Актуальность исследования обусловлена тем, что до настоящего времени не был проведен всесторонний анализ указанного праздника у башкир различных районов. Изучение содержащихся в этом древнем празднике рудиментов почитания вороны, а также позднейших трансформаций обрядов, совер-

шаемых во время *Каргатуй*, представляет интерес и является важным и в плане исследования ранних форм социальных отношений, мировоззрения башкир.

Целью данной статьи является систематизация материалов, относящихся к указанному башкирскому празднику, а также раскрытие его исторических корней и эволюции, выделение архаизмов, связанных с воронами, а также рассмотрение тотемических и анимистических обрядов, относящихся к празднику *Каргатуй*.

Основными методами, использованными в работе, являются сравнительно-исторический и ретроспективный, с помощью которых выявляется общее и особенное в культуре и мировоззрении башкир и других народов, прослеживается эволюция, определяются тенденции развития изучаемых явлений и т.д., а также комплексный анализ праздников с использованием фольклорного, этнографического, диалектологического, исторического материалов, с реконструкцией мировоззрения древних башкир.

Основная часть

Праздник *Каргатуй* (*карга* – ворона; *туй* – свадьба) у башкир знаменует возрождение природы и издавна он был посвящен чествованию почитаемой башкирами птицы – вороны. Часто время проведения *Каргатуйа* определялось прилетом грачей, которые у башкир назывались *кара карга*. В некоторых южных и западных районах РБ встречается название *Карга буткаһы* (*карга* – ворона; *бутка* – каша). Данное название праздник получил потому, что одним из основных его моментов было кормление птиц кашей. Полукочевые башкиры-скотоводы, как правило, отмечали праздник до отъезда на кочевку и просили птиц, а в их лице духов предков и священные силы природы, об изобилии корма для скота и о хорошем приплоде, а башкиры, перешедшие к оседлости, чаще проводили его после весеннего сева и обращаясь к птицам с пожеланием дождя и обильного урожая. Таким образом, время проведения праздника могло растянуться с апреля до начала июня. Согласно полевым материалам, прослеживается тенденция, что в середине и во второй половине XX века на востоке, юго-востоке и западе республики празднество было больше известно под названием *Карга буткаһы*, а на северо-востоке сохранилось более древнее название *Каргатуй*. В ряде мест, например, в западной Башкирии, проведение празднества со временем смещалось в сторону лета и постепенно слилось с обрядом вызывания дождя *Ямгыр буткаһы* или *Ямгыр теләү* (*Теләк*); такая тенденция имела место и на северо-востоке республики; в ряде юго-восточных и южных районов сохранялась дифференциация в проведении данных праздников. В пожеланиях юго-восточных башкир, произносимых на *Карга буткаһы*, не упоминается о дожде, зато у птиц просят процветания, благоденствия роду, себе и природе; обещают им угощение и на будущий год: «*Ашағыз! Икенсе йылға тағы ашатырбыз!*» – «Угощайтесь! На будущий год еще накормим!» [9, с. 51].

По наблюдениям С.И. Руденко, в празднике принимали участие только женщины, девушки и мальчики не старше тринадцати лет [3, с. 277]. Однако строгая регламентация состава участников обряда соблюдалась не всегда и не везде. Так, в ряде юго-

западных и центральных районов в празднике участвовали все жители деревни, в том числе и мужчины; иногда парни в шутку переодевались в женские платья; желанными участниками торжества были мужчины-кураисты или певцы [Полевые материалы Э.В. Миграновой; записано в 1999 г. в д. Мияшево Давлекановского р-на РБ от М.М. Котлобаева, 1925 г.р.]. Старики-аксакалы обычно не принимали участия в развлекательной части праздника, они, помолившись о благополучии рода и благоприятном урожае и отведав угощение, уходили домой. На северо-востоке Башкортостана существовала традиция приглашать на праздник поочередно гостей из соседних деревень [12, с. 26]. Но все же традиционно на *Каргатуй* выходили преимущественно женщины и дети.

Накануне праздника дети и подростки, иногда в сопровождении двух-трех женщин с возгласами, имитирующими карканье ворон, ходили по деревне и собирали вещи и продукты (молоко, катык, крупу, яйца, масло, хлеб, чай и пр.), необходимые для проведения обряда, и от имени вороны приглашали людей на праздник:

«*Карга әйтә: "Кар, кар!
Каргатуйға бар, бар!"
Каргатуйға бармагандың,
Күңеле булыр тар, тар!»* [14, с. 197, 201].
(«Ворона молвит: "Кар, кар!
Иди на Каргатуй, иди!"
Ведь тот, кто не придет на Каргатуй,
Вовеки будет нелюдом!»).

Как видим, согласно тексту зазыва, на празднике должны были участвовать все жители аула; в противном случае человека ожидало отлучение от общества.

В день праздника рано утром женщины с самоварами, казанами, неся в ведрах на коромыслах продукты, отправлялись к обычному месту проведения празднества – на берег реки, на освободившийся от снега склон холма или на живописную полянку, на которой пробивалась первая съедобная зелень, но не дальше 1–2 километров от деревни. При выборе места проведения праздника обязательным условием являлось наличие высоких деревьев.

Имеются данные о присутствии на *Каргатуйе* в зауральских аулах специальной распорядительницы (*юлбарсы*, *юл барсыһы*) из числа пожилых женщин деревни, которая хорошо знала правила проведения этого традиционного праздника. Она следила за ходом подготовки и проведением торжества и выделялась среди других участниц тем, что была облачена в бутафорский старинный костюм [3, с. 233–234]. Этот костюм обычно состоял из длинного платья с аппликационными узорами, камзола, декоративного нагрудника и наспинника, которые были расшиты серебряными подвесками и ракушками. На ее голову, поверх платка, был надет цилиндрический колпак из березовой коры, украшенный бисером, раковинами, серебряными монетами [8, с. 36–37; 14, с. 197]. В Салаватском, Кигинском и Кугарчинском районах РБ распорядительница и ее помощники (пожилые женщины – *әбейҙәр*) встречали гостей, в шутку «оседлав» тальниковую палочку или прутик [12, с. 27].

По распоряжению *юлбарсы* дети и подростки собирали хворост для костра, вешали котлы для варки каши или супа из первой зелени, ставили самовары, расстилали на траве домотканые скатерти, иногда

устанавливали небольшую юрту или шалаш, чтобы пожилые женщины могли в них отдохнуть. Молодые украшали ветки деревьев бусами, разноцветными ленточками, лоскутками ткани или цветными шальями (*агас суклау*); дети, взобравшись на деревья, имитировали карканье ворон. Женщины старшего поколения, собравшись в круг, беседовали, молились о будущем урожае, приплоде скота [13, с. 196–197]. Приготовлением каши занимались в основном пожилые женщины. При этом они приговаривали, обращались к воронам:

*«Буткаларзы бешерэбез,
Казандарзы тулгансы.
Ер бэрэкәте – кошкайзарзың
Күңелдәре булгансы»* [7, с. 86].
(«Кашу мы варим,
Наполнив казаны.
Чтобы птицы – блага земли
Насладились от души»).

До праздничной трапезы молодые женщины и девушки, не занятые приготовлением праздничного угощения, под руководством и наблюдением старших женщин организовывали различные игры, бежали впуски, прыгали через препятствия, пели песни, обращенные к воронам. Л.И. Нагаева отметила бытование в Ишимбайском районе РБ пляски *Карга буткаһы*, сопровождавшейся песней:

*«Казандарза бутка беиә,
Бытыр-бытыр итәләр.
Агас башында каргалар
Каррык-коррок итәләр»* [9, с. 60].
(«В казанах варится каша,
И кипит бутыр-бутыр.
На деревьях вороны
Кричат каррык-коррок»).

Встречались и такие обращения к птицам:

*«Эй, кошкайзар, кошкайзар,
Кәзерле һез, дуҫкайзар!
Ер-һыузарзың матурлығың
Һаклаусы һез, кошкайзар!»*.
(«Эй, вы птицы, птицы,
Дорогие вы друзья!
Красот земли и вод
Хранители вы, птицы!»).

Или:

*«Каркылдашып килегез,
Һезгә бутка бирербез.
Йомошобоз күп түгел –
Илгә уңыш бирегез»* [14, с. 201].
(«Каркая, прилетайте,
Угостим вас кашей.
Наша просьба незначительна –
Принесите миру благополучие»).

Женщины также исполняли коллективные и сольные пляски, поочередно поднимали и опускали плечи, плавно размахивали руками, имитируя движения крыльев птиц, водили хороводы вокруг украшенного дерева, при этом каждая из них вслух или про себя произносила различные благопожелания – *теләк теләу*. Имеются сведения об исполнении на этом празднике под игру на кубызе или под барабанную дробь, отбиваемую наперстком по дну перевернутого ведра, обрядовой пляски *«Бала карга»* («Вороненок») [7, с. 73–74, 86]. В некоторых регионах, например, в Курганской области, среди населения башкирских

деревень любимым развлечением женщин и девушек во время игр на празднике было ряжение вороной [15, с. 10], а в Салаватском районе РБ – переодевание женщин в мужскую одежду или в одежды друг друга [14, с. 203]. Весело проходили игры с использованием продуктов питания: кормление друг друга кашей с завязанными глазами; доставание монеты из посуды, наполненной катыком, без помощи рук; бег вперегонки с зажатой в зубах ложкой, на которой лежало сырое яйцо и др. [Полевые материалы Э.В. Миграновой; записано в 2019 г. д. Бурангулово Давлекановского района РБ от М. Давлетбаевой, 1928 г.р.].

Особым колоритом выделялась игра *«Бутка урлау»* («Похищение каши»), когда дети, прикинувшись воронами, похищали котел с кашей, а также игры *«Алырым кош»* («Возьму птенца»). До начала коллективной трапезы на севере Башкортостана (Балтачевский район РБ) молодежь играла в *«Карга уйыны»* («Воронью игру»), когда одна из девушек ходила по кругу с кашей в руках, а другие, изображая ворон, ходили за ней и кричали: *«Карр-карр!»* [9, с. 54].

Наконец, когда угощение было готово, все рассаживались вокруг скатерти, на которой стояли большие чаши с кашей, иногда рядом ставили миски с растопленным маслом, чтобы во время еды окунать в него ложку, наполненную кашей. В ряде южных районов кашу ели речными ракушками или палочками, срезанными с деревьев.

Перед началом трапезы участницы праздника еще раз обращались к воронам с мольбами о здоровье, о том, чтобы вовремя шел дождь – *ямғыр яузыр* и был богатый урожай – *«игендәр уңһын, үҫһен ашылык»*. При этом участники трапезы в шутку отнимали друг у друга ложки со словами: «Это не тебе, а воронам!» [14, с. 198, 201]. Праздничное угощение также сопровождалось призывами к птицам:

*«Ал ризыкты, ал,
Бер бөртөккә – ун бөртөк,
Ун бөртөккә – мең бөртөк.
Ал ризыкты, ал,
Бер тамсыға – ун тамсы,
Ун тамсыға – мең тамсы.
Ал, ризыкты, ал,
Ал, Теңрем, ал!»*.
(«Бери пищу, бери,
За одно зернышко – десять зерен,
За десять зерен – тысячу зерен.
Бери пищу, бери,
За одну каплю – десять капель,
За десять капель – тысячу капель.
Бери пищу, бери,
Бери, Тенгри мой, бери!»).

Во время еды не следовало отзываться плохо о каше, так как она считалась «божьей пищей». В той же вышеуказанной песне-заклинании имеются следующие слова:

*«Бутка – хозай ризығы,
Бутка – хозай азығы.
Шул бутканы хурлаһаң,
Башыңа төшөр язығы»*
[5, с. 53–54; 14, с. 202].
(«Каша – пища божья,
Каша – пропитание божье.
Если будешь хулить ее,
Грех падет на твою голову»).

За трапезой пожилые женщины рассказывали о своей молодости, учили молодых девушек уму-разуму, давали им полезные житейские советы. После общей трапезы и чаепития остатки ритуальной пищи, как доля ворон, разбрасывались по пням или камням; кашей смазывались стволы и ветки деревьев, иногда в дополнение к каше в небольшой посуде для птиц выставлялось и квашеное молоко – *ойоткан*. При этом особо оговаривалось: «Это воронам!». Женщины повторяли свои просьбы о дожде, хорошем урожае и просили птиц предотвратить бедствия и голод: «*Каргалар, каргалар, һез ҙә безҙең кеүек йыйылып һыйланығыҙ. Ямғыр, яуһын, тип теләгез. Донъя имен булһын, тип теләгез!*» [14, с. 200, 204] («Вороны, вороны, и вы, собравшись вместе, как мы, угощайтесь. Пожелайте, чтобы был дождь. Пожелайте миру благополучия!»). Дети, взбравшись на деревья, громко каркали по-вороньи и кричали:

«*Каргалар, килегез, килегез,
Йылға уңыш теләгез!*».
(«Вороны, прилетайте, прилетайте,
Году удачу пожелайте!»).

В ряде северо-восточных и юго-западных районов Башкирии (Белокатайском, Салаватском, Дуванском, Иглинском и Альшеевском и др.) во время праздника варили не только ритуальную кашу, но и мясо [12, с. 28–29]. Домашняя птица (курица, гусь) или баран (коза) либо покупались вскладчину, либо жертвовались зажиточными односельчанами [Полевые материалы А.Ф. Илимбетовой, записано в 2019 г. в Хайбуллинском районе РБ].

Со временем значение многих ритуальных действий праздника *Каргатуй* (*Карға буткаһы*) было переосмыслено или вовсе стерлось из памяти, и он продолжил бытование просто как фольклорный праздник.

Однако сами названия праздника, мольбы-заклинания, имитационные возгласы, ритуальные действия, совершаемые по его ходу, а также костюмы участников и т.д., свидетельствуют о том, что ворона в древности была тотемом башкир, а сам праздник изначально являлся тотемическим праздником.

Подобные тотемические праздники известны в разных уголках планеты (у коренных народов Сибири, Дальнего Востока, Австралии, Северной Америки и т.д.), часто в прошлом они носили универсальный характер [16, с. 43; 17, с. 150; 18, с. 534–551; 19, с. 190; 20, с. 220–221]. Например, праздники типа башкирского *Каргатуя*, связанные с вороной, проводились в прошлом у татар и других тюркских народов [4, с. 118; 21, с. 378–379]. Весенний женский праздник, посвященный воронам, известен обским уграм: *Вурнга хатл* – у хантов, *Урин-эква хотал* – у манси. Вороны у хантов и манси, так же как и у башкир, являлись тотемными птицами и выступали покровителями женщин и детей. Во время праздника женщины также готовили пищу на костре, устраивали застолье, кидали кусочки еды в сторону леса – птицам, веря, что это принесет счастье, удачу, раскладывали угощение возле деревьев, вешали на ветви ленточки, платки, молились о благополучии и здоровье. Инициационный характер праздника проявлялся в том, что эти народы верили, что вороны приносят девочкам первую менструацию, поэтому у се-

верных народов раньше на этот праздник собирались только маленькие «чистые» девочки, у которых еще нет менструации, и старушки [22, с. 387, 602–604].

Каргатуй несет в себе многие элементы классических тотемических праздников. На любом таком празднике центральным объектом являлось то или иное тотемное животное, а кульминацией торжества было коллективное обрядовое пиршество в сочетании с магическими обрядами, имевшими целью сохранение, размножение и умиловивление тотема (интичиума). Все это достигалось исполнением в честь тотема заклинаний, песен и танцев, имитацией людьми движений и звуков, издаваемых тотемом и т.д. Коллективное поедание каши, по нашему мнению, является отголоском обрядов коллективного приобщения и причащения тотемом-вороной для приобретения его реальных и воображаемых качеств. Символическое кормление ворон кашей, разбрасывание остатков пищи на пнях, камнях, ветвях деревьев – это реликты древних ритуалов заботы о вороне, с целью сохранения и размножения тотемной птицы, а также ее умиловивления. С этими же целями исполнялись коллективные песни, обращенные к воронам, с имитацией карканья, пляски с движениями рук, похожими на размах крыльев и т.д. Бутафорский костюм распорядительницы праздника и переодевание участниц праздника в мужские одежды или одежды друг друга можно рассматривать как видоизмененное и приспособленное к новым условиям явление – дериват ряжения под тотем – ворону с целью перевоплощения в почитаемую птицу; а бег, прыжки, спортивные соревнования и игры девушек под руководством старших женщин, а также их рассказы и нравоучения молодым – рудиментами инициационных обрядов девушек.

Здесь необходимо найти ответ еще на один, вполне естественный вопрос: почему на этом празднике у башкир традиционно участвуют только женщины, девочки/девушки и несовершеннолетние мальчики? Отвечая на этот вопрос, необходимо иметь в виду, что тотемизм в своем развитии прошел длительный исторический путь, равный нескольким десяткам тысячелетий. Его возникновение относится к эпохе первобытного общества, а отмирание – ко времени отцовского рода. Поэтому и состав участников тотемических праздников на различных стадиях развития человеческого общества не мог не меняться. Вероятно, что в первобытных эндогамных обществах в подобных празднествах участвовало все население, так как тогда коллектив людей был монолитным, то есть состоял из людей одного тотема, и это в какой-то степени, вероятно, находит отражение в тексте зазывания на *Каргатуй* всех жителей селения. Но с возникновением экзогамии и дуально-родового дислокального брака, вплоть до формирования патрилокального брака и патрилинейной филиации родства, мужчина и женщина, даже после бракосочетания и смены своего статуса, оставались связанными каждый со своим родом и тотемом; при этом дети принадлежали только матери и ее роду [23, с. 99–100, 103; 24, с. 512]. Именно к этим порядкам восходят широко распространенные у самых различных племен и народов мужские и женские праздники, в том числе и башкирский женский тотемический праздник *Каргатуй*.

В *Каргатуйе* обращает на себя внимание еще один момент – это противоречивое обращение участников праздника к вороне – то как к равному, подобному себе существу, другу; то как к птице, обладающей сверхъестественной силой (благу земли, хранительнице земли и воды), способной предотвратить бедствия и голод, вызвать дождь, принести благополучие и мир; или даже как к божеству (*бутка* – *хозяи ризыгы*, *ал*, *хозяйым*, *ал* – каша – пища божья; *ал*, *Тенрем*, *ал* – бери, Тенгри мой, бери), гнева которого боялись (кто не придет на праздник, того настигнет какое-то несчастье – *башыңа төшөр язгы* – грех падет на твою голову; *күңеле булыр тар* – навсегда будет одиноким, нелюдимым, душа его будет пустой и т.д.). Как видим, в этих противоречивых обращениях к вороне на празднике *Каргатуй* отражается весь путь развития тотемизма.

В первоначальном тотемизме еще не было особого сверхъестественного почитания тотемов. Человек и тотем были равны друг другу, были «друзьями». Обращение к воронам как к «друзьям» является отголоском именно таких представлений.

Поклонение тотемам, их почитание – это явления уже более позднего порядка, связанные с возникновением культа предков, который первоначально сложился в виде почитания существ, являвшихся полуплюдьми-полуживотными, наделенными сверхъестественной, магической силой, способной влиять на жизнь людей и на окружающую природу. Обращение участниц *Каргатуя* к воронам как к «благу земли», «хранителям земли и вод» восходят именно к этим древним воззрениям. А поклонение вороне как божеству является еще более поздним наслоением и связано с возникновением зоолатрии. Все эти представления и наслоения различных эпох привели к формированию и длительному сохранению у башкир отношения к вороне как к священной птице.

Исходя из суждений о вороне как о божественной, священной птице, защитнице и покровительнице воды, древние башкиры проявляли определенную заботу о ней, стремились умиловить ее, совершая различные жертвоприношения. Их пережитки сохранились в фольклорном наследии башкир, в вышеописанных актах умиловления ворон ритуальной кашей на празднике или в словах: «На тебе масло и мед!», произносимых при карканье ворон, но и в суеверии, что если кому-нибудь покажется ворона, то ей нужно дать пищу, читая молитву.

Выводы

Изучение исторических корней башкирского праздника, связанного с почитанием вороны, сравнительно-сопоставительный анализ этнографических, фольклорных, диалектологических и прочих материалов, использование метода исторической ретроспективы, проливают свет на возникновение и эволюцию данного обрядового празднества, демонстрируют отношение людей к тотему в различные исторические периоды. На примере изучения *Каргатуя* представляется возможным проследить развитие тотемизма, культа предков; переход тотемизма на более высокую ступень, когда действиями тотема-божества стали объясняться те или иные социальные и природные явления. Праздник *Каргатуй* у башкир обычно сопровождался молениями, обрядами умило-

ствления ворон, исполнением ритуальных песен, танцев, плясок («Вороненок») и т.д., коллективным пиршеством с кормлением птиц остатками еды, которую раскладывали под деревьями, на траве или камнях, с обрядами инициации молодежи, в том числе организацией спортивных соревнований и игр, включая детскую «Воронью игру» (*Карга уйыны*) и т.д. Вообще, совместное поклонение тотему, совместная с ним трапеза – обычное условие закрепления единства как членов коллектива, так и людей с птицей, в честь которой устраивалось торжество.

В настоящее время значение многих древних обрядовых действий, совершаемых на празднике в честь ворон, утратило свое первоначальное значение, *Каргатуй* продолжает бытовать в большей степени как развлечение, фольклорный праздник. Однако обряды, направленные на умиловление птиц, а также обращения к птицам с просьбами о ниспослании благоприятных погодных условий, дождя, хорошего урожая, благоденствия и т.д. сохраняются по сей день у всех групп башкир.

Список литературы:

1. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина, по разным провинциям Российского государства в 1770 году. Ч. 2. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1802. 345 с.
2. Рыбаков С.Г. Музыка и песни уральских мусульман: с очерком их быта // Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1897. Т. 2, № 2. 330 с.
3. Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 374 с.
4. Инан А. Шаманизм в истории и сегодня. Уфа: Китап, 1998. 224 с.
5. Киреев А.Н. Култ птиц в обрядовой поэзии башкирского народа // Фольклор народов РСФСР: межвуз. науч. сб. Вып. 5. Уфа: Изд-во БашГУ, 1978. С. 51–55.
6. Бикбулатов Н.В. Кукушка, грач и береза: парадоксы в поверьях башкир // Востоковедение в Башкортостане. История. Культура: В 4-х кн. Кн. 4. Уфа: БашГУ, 1992. С. 28–30.
7. Нагаева Л.И. Башкирская народная хореография. Уфа: Китап, 1995. 144 с.
8. Нагаева Л.И. Национальный костюм и предметы-атрибуты на праздниках и обрядах башкир // Традиции башкирского народного искусства в современной одежде. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 36–41.
9. Нагаева Л.И. Башкирские народные праздники, обряды и обычаи. Уфа: Китап, 1999. 160 с.
10. Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры. Этническая история и традиционная культура. Уфа: Башк. энц., 2002. 248 с.
11. Сулейманова М.Н. Доисламские верования и обряды башкир. Уфа: Изд-во БашГУ, 2005. 146 с.
12. Илимбетова А.Ф. Култ птиц у башкир в свете духовного наследия народов мира. 2-е изд., перераб. и доп. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. 282 с.
13. Мигранова Э.В. Башкиры. Историко-этнографическое исследование. Уфа: Китап, 2016. 296 с.
14. Башкирское народное творчество. Т. 1. Обрядовый фольклор / сост. А.М. Сулейманов, Р.А. Султангареева; отв. ред. Г.Б. Хусаинов. Уфа: Китап, 1995. 560 с.
15. Султангареева Р.А., Баймурзина Г.В. Танцевальный фольклор башкир: прошлое и настоящее. Уфа: Белая река, 2009. 97 с.

16. Белков П.Л. Миф и тотем в традиционном обществе аборигенов Австралии. СПб.: МАЭ РАН, 2004. 288 с.

17. Борейко В.Е., Грищенко В.Н. Экологические традиции, поверья, религиозные верования славянских и других народов. Т. 2. Птицы. 2-е изд. Киев: Изд-во КЭКЦ и ЦОДП, 1999. 172 с.

18. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.

19. Краснодембская Н.Г. Птица в культуре народов Южной Азии: мифология, символика, изображение (в отражении коллекций МАЭ РАН) // Радловские чтения – 2005. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 188–191.

20. Народы Австралии и Океании: Народы мира. Этнографические очерки / под ред. С.А. Токарева, С.П. Толстова. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 852 с.

21. Татары / редкол. Р.К. Уразманова, С.В. Чешко и др. М.: Наука, 2001. 584 с.

22. Соколова З.П. Ханты и манси. Взгляд из XXI века. М.: Наука, 2009. 756 с.

23. Першиц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П. История первобытного общества. М.: Высшая школа, 1982. 224 с.

24. Семенов Ю.И. Как возникло человечество. М.: Наука, 1966. 576 с.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
<p>Илимбетова Азалия Фаттаховна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии; Ордена Знак Почёта Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Российская Федерация). E-mail: ilimbetovazalia@mail.ru.</p> <p>Мигранова Эльза Венеровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии; Ордена Знак Почёта Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Российская Федерация). E-mail: mig.el@mail.ru.</p>	<p>Ilimbetova Azaliya Fattakhovna, candidate of historical sciences, senior researcher of Ethnology Department; Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation). E-mail: ilimbetovazalia@mail.ru.</p> <p>Migranova Elza Venerovna, candidate of historical sciences, senior researcher of Ethnology Department; Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation). E-mail: mig.el@mail.ru.</p>

Для цитирования:

Илимбетова А.Ф., Мигранова Э.В. Исторические корни народного праздника *Карғатуй* («Воронья свадьба») у башкир // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 2. С. 215–220. DOI: 10.17816/snv2021102214.